

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР И СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ: ИНСТРУМЕНТЫ СВОБОДЫ ВОЛИ ИЛИ ПОЧВА ДЛЯ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ

П.С. Токаренко, студент

Научный руководитель: С.В. Старцева, старший преподаватель

Самарский государственный экономический университет

(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-2-342-346

Аннотация. Исследуется дихотомия между расширением свободы завещательных распоряжений и рисками возникновения семейных конфликтов, обусловленными несовершенством нормативного регулирования. На основе анализа доктринальных подходов и судебной практики выявлены три ключевые проблемы: отсутствие механизма адаптации совместного завещания при изменении семейного статуса пережившего супруга, неопределенность правовых последствий неисполнения обременений по наследственному договору после смерти наследодателя, а также возможность обхода правил об обязательной доле в наследстве.

Ключевые слова: наследственный договор; совместное завещание супругов; свобода завещания; обязательная доля в наследстве; семейные конфликты; обременения наследственного имущества; реформа наследственного права; Гражданский кодекс РФ.

Современное российское наследственное право переживает этап реформирования, направленный на расширение свободы завещательных распоряжений. Введение в 2019 году таких институтов, как наследственный договор и совместное завещание супругов, стало революционным шагом, призванным сблизить отечественное законодательство с континентальной моделью правопорядка. Однако, предоставляя субъектам расширенные возможности по распоряжению имуществом на случай смерти, законодатель столкнулся с проблемой баланса между принципом свободы воли и защитой интересов семьи.

Правовую основу исследования составляют Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) (часть третья), в частности, глава 62 «Наследование по завещанию» и глава 65 «Наследование отдельных видов имущества» [1].

Ключевые нормы о совместном завещании супругов закреплены в ст. 1118, 1131, а также в ст. 1140.1 ГК РФ. При этом ст. 1118 устанавливает общие требования к завещанию как односторонней сделке, а ст. 1131 регламентирует основания и порядок оспаривания завещательных распоряжений, что приобретает особое значение при возникновении семейных конфликтов.

Статья 1140.1 ГК РФ, в свою очередь, содержит специальные правила, касающиеся

содержания совместного завещания, его действительности и последствий утраты силы. Наследственный договор регламентируется ст. 1140.1 и ст. 1140.2 ГК РФ, причем последняя определяет правовые последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, вытекающих из такого договора, что напрямую влияет на стабильность имущественных отношений между наследодателем и приобретателем имущества.

Важное значение для правоприменения имеют разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», а также Обзоре судебной практики по делам о наследовании (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.12.2020) [2]. В актах судебного толкования акцентируются ключевые правовые ориентиры, затрагивающие, прежде всего, корреляцию совместного завещания с режимом тайны завещания; вопрос допустимости судебного признания недействительным наследственного договора по требованию необходимых наследников; а также регламентацию способа и очередности исполнения обременений, возложенных в пользу третьих лиц.

М.А. Власова подчеркивает, что наследственный договор, будучи юридическим механизмом, дает возможность одновременно учесть интересы наследников и третьих лиц –

отказополучателей, – тем самым выступая действенным средством выстраивания управленческой и имущественной конфигурации семейного бизнеса. Одновременно он может быть ориентирован на обеспечение материальной поддержки нетрудоспособных иждивенцев, не сводя соответствующие гарантии исключительно к постфактумной преемственности [3].

Тезис о расширении свободы завещания, который, в частности, отстаивает М.В. Конохов, сводится к следующему: совместное завещание супругов выступает механизмом, способным поддерживать экономическую устойчивость домохозяйства. Тем самым переживший супруг сохраняет возможность функционировать в привычном жизненном режиме; данное обстоятельство, как полагают сторонники подхода, снижает вероятность резких имущественных провалов после выбытия одного из членов семьи [4].

Параллельно с этим часть исследователей фиксирует заметную, нормативно обусловленную тревожность. В частности, А.В. Феоктистов указывает на то, что наследственный договор по своей юридической «векторности» приближается к договору в пользу третьего лица; следствием такого сходства выступает неясность относительно того, как именно квалифицировать односторонний отказ от исполнения и каков его эффект [5].

В.А. Коган выделяет особую проблематику, возникающую при использовании совместного завещания: после утраты одного из супругов переживший супруг оказывается «подчинённым» воле умершего, и тем самым заданная схема способна вступать в противоречие с принципом свободы завещания [6].

Сравнительно-правовое сопоставление выявляет, что в правовых системах, где институт совместного завещания сформировался исторически продолжительное время (Германия, Австрия, Швейцария), действуют специальные механизмы, ориентированные на возможность «подстройки» содержания завещания пережившим супругом под новую фактическую реальность. Так, в § 2271 Германского гражданского уложения (BGB) закрепляется возможность отмены совместного завещания пережившим супругом при вступлении в новый брак, причём соответствующее основание реализуется, если в самом завещании не

предусмотрено иное решение [7]. Похожее по функциональной нагрузке конструкции присутствуют и в § 1248 Австрийского гражданского уложения (ABGB), где также предусмотрена правовая «корректировка» волеизъявления в ситуации брачного обновления [8].

Иначе выстроена модель в Российской Федерации: при включении института совместного завещания в 2019 году законодатель не реализовал указанный существенный компонент. В результате возникает нормативный разрыв, при котором интересы умершего и пережившего супруга оказываются несинхронизированными, а баланс их прав и ожиданий смещается в неблагоприятную для одной из сторон сторону.

Наследственный договор, введенный в российское гражданское законодательство Федеральным законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ, представляет собой принципиально новую конструкцию, сочетающую элементы договорного и наследственного права.

В отличие от традиционного завещания, наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ) позволяет наследодателю не просто определить круг наследников и распределить имущество, но и возложить на приобретателя имущества (наследника) обязанности, направленные на обеспечение жизни самого наследодателя или третьих лиц. Такие обременения могут включать пожизненное содержание, предоставление жилья иждивенцу, уход за нетрудоспособным лицом, осуществление регулярных выплат и иные обязательства, имеющие длящийся характер.

Более того, п. 2 ст. 1140.1 ГК РФ устанавливает, что права и обязанности сторон по наследственному договору возникают со дня открытия наследства. До этого момента наследственный договор не порождает обязательствных прав для отказополучателей. Следовательно, если наследник уклоняется от исполнения, отказополучатель, не имея статуса стороны договора, лишен возможности инициировать процедуру расторжения. Единственным легальным способом воздействия остается предъявление требования о взыскании убытков (п. 2 ст. 1140.2), что не всегда является адекватным средством защиты, особенно когда речь идет о неимущественных обязанностях (уход, предоставление жилья) или когда убытки сложно доказуемы.

Наследственный договор, закрепленный в российском гражданском законодательстве Федеральным законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ, следует рассматривать как конструкцию, обладающую качественно новым правовым «каркасом», в котором одновременно проявляются признаки договорного регулирования и наследственного правопорядка. В сравнении с традиционным завещанием, наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ) предоставляет наследодателю не только возможность очертить состав наследников и произвести распределение имущества, но и – в определенной мере – «связать» последующее приобретение материальных благ с возложением на приобретателя соответствующих обязанностей, ориентированных на обеспечение жизни наследодателя либо третьих лиц. Соответствующие обременения могут принимать форму пожизненного содержания; предоставления жилья иждивенцу; организации ухода за нетрудоспособным лицом; регулярного осуществления выплат; а также иных обязательств с длящимся, продолжающимся во времени характером, предполагающих определенную степень исполнения в течение установленного периода «Порядок перераспределения наследственной массы... урегулирован недостаточно» [9].

Важно отметить, что предложенный механизм не нарушает принцип свободы договора, поскольку наследодатель может в самом наследственном договоре исключить применение тех или иных способов защиты (оговорка «если иное не предусмотрено договором»). Это позволяет сторонам самостоятельно определить порядок действий на случай неисполнения обязательств. Одновременно с этим, расширение круга истцов (отказополучатели, законные наследники) восполняет пробел, связанный с отсутствием наследодателя, и создает реальные стимулы для добросовестного исполнения наследником взятых на себя обязательств.

Реализация предложенного изменения потребует также корректировки ст. 1140.1 ГК РФ в части уточнения правового статуса отказополучателей в период между открытием наследства и исполнением обязанностей, а также внесения дополнений в процессуальное законодательство о подведомственности таких споров. Однако в целом предлагаемое решение соответствует логике реформирования

наследственного права, направленной на усиление защиты интересов социально уязвимых категорий граждан и обеспечение реального, а не декларативного характера обременений, устанавливаемых в наследственном договоре.

Проблема нарушения прав необходимых наследников при использовании наследственного договора.

Одной из наиболее острых проблем является возможность обхода правил об обязательной доле в наследстве (ст. 1149 ГК РФ) посредством заключения наследственного договора. Поскольку наследственный договор является сделкой, совершенной при жизни, формально он не подпадает под правила об обязательной доле, которые применяются только к наследованию по завещанию. «Главная проблема... связана с тем, что имущество... считается их совместно нажитым» [10].

Пленум Верховного Суда РФ в п. 29 Постановления № 9 разъяснил, что право на обязательную долю удовлетворяется из незавещанного имущества, а при его недостаточности – из завещанного. Однако, если наследодатель распорядился всем имуществом по наследственному договору в пользу третьих лиц, не имеющих права на обязательную долю, несовершеннолетние или нетрудоспособные дети остаются без защиты.

В случае, если заключение наследственного договора лишает или уменьшает объем наследства, причитающегося лицу, имеющему право на обязательную долю, такое лицо вправе требовать выделения обязательной доли за счет имущества, являющегося предметом наследственного договора, либо взыскания с приобретателя компенсации в размере стоимости обязательной доли. Данное требование может быть заявлено в течение шести месяцев со дня открытия наследства».

Такое изменение приведет к единообразию подходов к защите социально уязвимых категорий наследников вне зависимости от формы распоряжения имуществом (завещание, совместное завещание или наследственный договор). «При отказе его стороны от наследства договор остается в силе...» [11].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что наследственный договор и совместное завещание супругов, будучи прогрессивными институтами, направленными на реализацию принципа свободы воли, в текущей редакции

гражданского законодательства содержат значительные риски дестабилизации семейных отношений.

Во-первых, отсутствие механизма адаптации совместного завещания к изменению семейного статуса пережившего супруга создает предпосылки для ущемления прав его будущих наследников.

Во-вторых, несовершенство правового регулирования наследственного договора в части контроля за исполнением обременений приводит к тому, что данный инструмент становится средством неэквивалентного обогащения.

В-третьих, недостаточная согласованность норм об обязательной доле и наследственного

договора позволяет использовать последний для исключения социально незащищенных наследников из числа преемников.

Реализация предложенных изменений в Гражданский кодекс РФ (ст. 1131, 1140.1) позволит сбалансировать публичный интерес в защите семьи и частный интерес в свободе завещательных распоряжений. Только при условии создания четких и прозрачных механизмов защиты прав всех участников наследственных отношений (включая необходимых наследников, иждивенцев и пережившего супруга) данные институты смогут выполнять свою функцию эффективных инструментов планирования наследства, не превращаясь в почву для тяжких семейных конфликтов.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – ст. 4552.
2. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.
3. Власова М.А. К вопросу о юридической природе наследственного договора / М.А. Власова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 411-415.
4. Конохов М.В. О некоторых правовых проблемах, возникающих при реализации института наследственного договора / М.В. Конохов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 8 (236). – С. 117-120.
5. Феоктистов А.В. Наследственный договор в России / А.В. Феоктистов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 10 (214). – С. 40-42.
6. Коган В.А. Перспективы развития правового регулирования наследственного договора и совместного завещания в Российской Федерации / В.А. Коган // Государственная служба. – 2023. – № 6 (146). – С. 23-29.
7. Гражданское уложение Германии (ГГУ): от 18.08.1896 г. (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900-Гражданское-уложение-1.pdf>.
8. Всеобщий гражданский кодекс Австрии: от 01.06.1811 г. (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56057#pRNhQKVrHzYzzoUX>.
9. Алексеев К.А. Институт завещания в системе наследственного права: актуальные проблемы и перспективы развития / К.А. Алексеев // Юридическая наука. – 2026. – № 1. – С. 205-208.
10. Инцева Е.П. Совместное завещание и наследственный договор – новые возможности определения прав пережившего супруга при наследовании / Е.П. Инцева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 7 (286). – С. 88-92.
11. Дергунова В.А. Брачный договор как инструмент предотвращения корпоративных конфликтов в случае развода или смерти одного из супругов / В.А. Дергунова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 9 (276). – С. 91-97.

INHERITANCE AGREEMENT AND JOINT WILL: TOOLS OF FREE WILL OR THE GROUND FOR FAMILY CONFLICTS

P.S. Tokarenko, *Student*

Supervisor: *S.V. Startseva, Senior Lecturer*

Samara State University of Economics

(Russia, Samara)

Abstract. *The article analyzes the legal structures of the inheritance agreement and joint will of the spouses, introduced into Russian civil legislation in 2019. The article examines the dichotomy between the expansion of the freedom of testamentary dispositions and the risks of family conflicts caused by the imperfection of regulatory regulation. Based on the analysis of doctrinal approaches and judicial practice, three key problems have been identified: the lack of a mechanism for adapting a joint will when the marital status of the surviving spouse changes, the uncertainty of the legal consequences of non-fulfillment of encumbrances under the inheritance agreement after the death of the testator, as well as the possibility of circumventing the rules on the mandatory share in the inheritance. Specific proposals have been formulated to amend the Civil Code of the Russian Federation aimed at eliminating the identified contradictions and ensuring a balance between the testator's free will and protecting the interests of the family.*

Keywords: *inheritance agreement; joint will of spouses; freedom of probate; compulsory share in inheritance; family conflicts; encumbrances of hereditary property; reform of inheritance law; the Civil Code of the Russian Federation.*